Научная статья
УДК 327
ББК 66.4
DOI: 10.47475/2618-9852-2026-11-3-58-62

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Сюй Хань

Тяньцзиньский университет иностранных языков,
Тяньцзинь, Китай, xuhandeyouxiang@qq.com

Аннотация. Статья рассматривает эволюцию российско-китайского стратегического партнерства в период 2022–2026 гг., когда изменение баланса сил в мировой политике придало двусторонним связям значение, выходящее за рамки региональной повестки. Показано, что партнерство складывалось не как реакция на санкционное давление Запада, а как результат длительного процесса, начавшегося еще в советский период и получившего институциональное оформление в 1990–2000-е гг. Проанализированы военно-политическое, экономическое и технологическое измерения сотрудничества, а также ограничения, которые сохраняются в отношениях двух стран, включая асимметрию экономических потенциалов и различие интересов в Центральной Азии. Отдельное внимание уделено соотношению декларируемого и фактического уровня партнерства: расхождение между официальной риторикой «всеобъемлющего» взаимодействия и конкретными практиками сотрудничества остается предметом дискуссии среди исследователей. Сделан вывод о том, что устойчивость партнерства обеспечивается не отсутствием противоречий, а способностью сторон удерживать их в управляемых рамках.

Ключевые слова: *российско-китайские отношения, стратегическое партнерство, международные отношения, многополярность, БРИКС, Центральная Азия, санкции*

Для цитирования: Сюй Хань. Российско-китайское стратегическое партнерство в современных международных отношениях // Общество, экономика, управление. 2026. Т. 11, № 3. С. 58–62. DOI: 10.47475/2618-9852-2026-11-3-58-62

Original article

RUSSIA-CHINA STRATEGIC PARTNERSHIP IN CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

Xu Han

Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China,
xuhandeyouxiang@qq.com

Abstract. The article examines the evolution of the Russia-China strategic partnership in the period 2022-2026, when shifts in the global balance of power gave the bilateral relationship a significance extending beyond a regional agenda. It shows that the partnership took shape not as a reaction to Western sanctions pressure but as the outcome of a long process that began during the Soviet period and acquired institutional form in the 1990s and 2000s. The military-political, economic and technological dimensions of cooperation are analyzed, along with the limitations that persist in the two countries' relations, including the asymmetry of their economic potentials and divergent interests in Central Asia. Particular attention is given to the relationship between the declared and the actual level of partnership: the gap between the official rhetoric of «comprehensive» engagement and the concrete practices of cooperation remains a subject of debate among researchers. It is concluded that the stability of the partnership is ensured not by the absence of contradictions but by the two sides' capacity to keep them within manageable limits.

Keywords: *Russia-China relations, strategic partnership, international relations, multipolarity, BRICS, Central Asia, sanctions*

For citation: Xu Han. Russia-China Strategic Partnership in Contemporary International Relations. *Society, economy, management.* 2026;11(3):58-62. (In Russ.). DOI: 10.47475/2618-9852-2026-11-3-58-62

© Сюй Хань, 2026

Введение

Формула «стратегическое партнерство» применительно к отношениям России и Китая существует дольше, чем принято думать, обсуждая события последних лет. И. Ю. Зуенко прослеживает ее истоки вплоть до позднесоветского периода, показывая, что нормализация советско-китайских отношений началась не как реакция на текущую конъюнктуру, а как результат процесса, растянувшегося на десятилетие [3, с. 24]. Эта деталь важна: она смещает вопрос с того, кто подтолкнул Россию и Китай друг к другу, на то, почему построенная десятилетия назад конструкция выдержала настолько разные внешнеполитические эпохи.

За последние годы интенсивность российско-китайского взаимодействия выросла настолько, что сама постановка вопроса о его устойчивости изменилась. В центре внимания исследователей оказались темпы, с которыми военно-политическое взаимодействие, торговля высокотехнологичной продукцией и координация в международных институтах стали частью одной связки. Ускоренная реализация Россией стратегии «Поворота на Восток» совпала с китайской инициативой «Пояс и путь», и это совпадение траекторий двух держав евразийского масштаба заслуживает анализа отдельно от вопроса о санкционном давлении [9, с. 213].

Вместе с тем нарастающая интенсивность связей не означает их бесконфликтности. Центральная Азия остается регионом, где интересы двух стран пересекаются достаточно плотно, чтобы говорить не только о партнерстве, но и о конкуренции за влияние [9, с. 211]. Опасения по поводу растущей технологической зависимости от китайских стандартов звучат и в работах, посвященных сугубо прикладным сюжетам сотрудничества [4, с. 42], а значит, вопрос об асимметрии касается не только количественных показателей товарооборота, но и качественного распределения ролей внутри партнерства. Задача данной статьи — показать, как эти два плана, растущая глубина сотрудничества и сохраняющиеся структурные ограничения, соотносятся друг с другом в текущий период.

Материалы и методы исследования

Источниковую базу составили российские и китайские научные публикации 2023–2025 гг., посвященные различным аспектам российско-китайского взаимодействия — от военно-политического [8] и технологического [4] до транспортно-логистического [7] и геоэкономического [2] измерений партнерства, а также статистические данные о структуре двусторонней торговли [1] и официальные документы, зафиксировавшие ключевые договоренности сторон в исследуемый период. Отдельную группу источников образуют аналитические публикации, обращающиеся к более широкому историческому контексту — соотношению нынешнего сближения с логикой советско-китайских и советско-американских отношений позднесоветского периода [3] и концептуальной рамке, в которой партнерство описывается китайской стороной [10], — а также материалы, дающие панорамный обзор истории, современного состояния и перспектив двусторонних связей[1].

Использован сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить характеристики партнерства, зафиксированные в разные годы рассматриваемого периода, и метод контент-анализа официальных документов и экспертных оценок. Отдельное внимание уделено методологической проблеме, которая редко ставится явно: большая часть публикаций о российско-китайских отношениях исходит из презумпции их особого, «образцового» характера, и эта презумпция сама по себе нуждается в проверке, а не в принятии за исходную точку анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Распространенная на Западе трактовка российско-китайского сближения объясняет его исключительно ухудшением отношений обеих стран с Западом. Симптоматично, что сама официальная риторика описывает эти отношения как партнерство, «устремленное в будущее»[2], и эта формулировка плохо согласуется с представлением о сближении как о чисто ситуативной реакции на внешнее давление. С китайской стороны эта же интуиция оформлена иначе, но выражает похожее несогласие с ситуативным прочтением: Сюй Бо и У Хао показывают, что дипломатическая мысль Си Цзиньпина встраивает отношения с Россией в более широкую концепцию «сообщества единой судьбы человечества» и рассматривает их как часть системной трансформации международного порядка, а не как реакцию на конкретный внешний вызов [10]. Логика здесь простая: если сближение вызвано внешним давлением, то в случае гипотетической нормализации отношений с США взаимодействие двух стран должно ослабнуть [3, с. 25]. Опровергая эту трактовку, И. Ю. Зуенко показывает, что стратегическое партнерство России и Китая — результат длительного процесса,

[1] Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, в контексте 75-летия установления дипломатических отношений между двумя странами, 16 мая 2024 года. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/6132 (дата обращения: 27.09.2026).

[2] 2. Путин В. В. Россия и Китай — партнерство, устремленное в будущее // ТАСС. 19.03.2023. URL: https://tass.ru/politika/17312135 (дата обращения: 27.09.2026).

начавшегося не позднее 1980-х гг., когда сближение Пекина и Вашингтона на завершающем этапе холодной войны подтолкнуло советское руководство искать нормализацию отношений с Китаем именно как противовес возможной изоляции [3, с. 24]. «Американский фактор» при этом был значимым, но не определяющим: последующие тридцать лет отношения развивались собственной логикой, независимо от колебаний в треугольнике Москва — Пекин — Вашингтон.

Этот исторический аргумент важен для понимания текущего момента. Формула, которую многие связывают исключительно с 2022 г., на деле описывает процесс, шедший задолго до него, и события последних лет скорее ускорили давно идущую траекторию, чем породили ее заново.

Совместное заявление, принятое сторонами в мае 2024 г. по случаю 75-летия установления дипломатических отношений, зафиксировало не только декларативный, но и вполне конкретный уровень взаимодействия по широкому кругу вопросов — от координации позиций в международных организациях до совместных проектов в энергетике[1]. Параллельно с этим оборонное измерение партнерства перестало ограничиваться двусторонним форматом: К. Х. Рахимов и Цю Шуаншуан анализируют, как объявленное еще в 1996 г. партнерство приобретает военно-политическое и экономическое наполнение в условиях многополярного мира, все теснее связывая безопасность двух стран друг с другом [8]. А. С. Науменко и С. Д. Салтанов идут дальше и рассматривают, как это взаимодействие достраивается до треугольника с участием Северной Кореи — конфигурации, которую отдельные западные наблюдатели уже обозначают термином «азиатское НАТО», хотя формального союза три страны не образуют [5].

Технологическое измерение партнерства развивается по собственной логике, менее заметной для широкой аудитории, чем военно-политическая повестка, но не менее значимой. По данным, приводимым Линь Мэнхань, за последние пять лет было инициировано более пятидесяти совместных российско-китайских проектов в области искусственного интеллекта [4, с. 41]. Платформа «Цифровой шелковый путь» выполняет здесь двойную функцию: она одновременно наращивает товарооборот и расширяет доступ к новым рынкам, интегрируя логистику двух стран теснее, чем это было возможно при опоре на традиционные товарные потоки [4, с. 41]. Одновременно с этим растет и настороженность части экспертного сообщества: слишком тесная технологическая зависимость от китайских стандартов способна, по мнению отдельных аналитиков, снизить конкурентоспособность собственных российских разработок [4, с. 42]. Это опасение указывает на то, что даже в наиболее динамично растущей сфере сотрудничества стороны не свободны от взаимного недоверия, и асимметрия партнерства проявляется не только в объемах товарооборота, но и в распределении технологических ролей.

Экономическое измерение партнерства в узком смысле — как структура двусторонней торговли — обнаруживает ту же асимметрию, что и распределение технологических ролей. К 2024 г. товарооборот между странами превысил 200 млрд долларов, но состав встречных потоков остается зеркально противоположным: Р. С. Абрамова и И. Р. Володин показывают, что Россия поставляет в Китай преимущественно сырьевые товары — нефть, уголь, природный газ, — тогда как ввозит из Китая станки, автомобили и электронику, а по итогам третьего квартала 2024 г. Китай впервые обогнал Европу как основной покупатель российского трубопроводного газа [1]. Рост физических объемов торговли, иными словами, не сопровождается сближением ее товарной структуры: чем интенсивнее становится обмен, тем отчетливее проявляется асимметричное распределение ролей поставщика сырья и поставщика готовой продукции.

Транспортно-логистическое измерение сотрудничества демонстрирует сходную двойственность. В. Д. Поляков, анализируя растущую роль Китая в развитии Северного морского пути, фиксирует расхождение между экономическим и нормативным уровнями взаимодействия: китайские компании активно участвуют в арктической логистике и инвестируют в соответствующую инфраструктуру, однако Пекин последовательно избегает формулировок, которые можно было бы истолковать как признание объема российской юрисдикции над маршрутом в том виде, на котором настаивает Москва [7]. Экономическое сближение и нормативное дистанцирование существуют здесь параллельно, не переходя друг в друга, и это, по-видимому, устраивает обе стороны ровно постольку, поскольку не требует от Китая политических обязательств, способных осложнить его отношения с другими арктическими и неарктическими игроками.

Геоэкономическое измерение партнерства выходит за пределы двусторонних отношений и все отчетливее связывается с судьбой БРИКС как формирующегося альтернативного центра глобального управления. А. А. Акаев, И. В. Ильин и О. И. Давыдова, построив математическую

[1] Кулишенко Н. Российско-китайская мозаика: взгляд на историю, современное состояние и перспективы // Международная жизнь. 11.10.2024. URL: https://interaffairs.ru/news/show/48208 (дата обращения: 27.09.2026).

модель роста ВВП для расширенного объединения БРИКС+, показывают, что траектория экономического роста этого блока в сравнении с G7 обнаруживает потенциал ускоряющегося отрыва в ближайшее десятилетие [2, с. 610]. Ключевую роль здесь играет как раз российско-китайское взаимодействие: формирование сетей передачи технологий широкого потребления и центров технологических компетенций в рамках БРИКС+ рассматривается авторами как продолжение двусторонней технологической кооперации, распространенное на новых участников объединения — Египет, Иран, Индонезию, ОАЭ и Эфиопию [2, с. 611]. Партнерство России и Китая, иными словами, все больше функционирует не просто как двусторонняя связка, а как несущая конструкция более широкой архитектуры.

Показательно, однако, что степень соответствия декларируемого уровня партнерства фактическому остается предметом обсуждения даже среди авторов, придерживающихся в целом позитивной оценки отношений. Само название статьи В. Е. Петровского — «Теория и практика» — указывает на то, что различение риторического и институционального уровней сотрудничества воспринимается как значимая исследовательская задача, а не как второстепенный нюанс [6]. Схожим образом Д. Шэнь описывает партнерство не как ситуативный ответ на внешнее давление, а как «концептуально выверенный ответ на вызовы мировой турбулентности» [9, с. 212], но при этом отмечает, что Центральная Азия остается зоной, где интересы Москвы и Пекина не совпадают полностью и где партнерству еще предстоит выработать специальные механизмы координации [9, с. 211]. Расширение транзитных коридоров через Казахстан и Монголию, строительство мостов и логистических узлов на российско-китайской границе превращает именно эту зону в место, где партнерство одновременно углубляется и проверяется на прочность.

Ограничения

Полученные результаты имеют ряд ограничений. Значительная часть используемых источников — как российских, так и китайских — написана в жанре, тяготеющем к позитивной оценке партнерства, что отчасти объясняется институциональной принадлежностью авторов к университетам и академическим центрам, заинтересованным в поддержке восточного вектора внешней политики своих стран; критическая литература, рассматривающая асимметрию отношений как структурный риск, а не только как повод для настороженности отдельных экспертов [4, с. 42], в статье представлена значительно скромнее, чем того требовала бы полная картина дискуссии. Статистические данные о торговом обороте и инвестиционных потоках, доступные на момент подготовки статьи, не всегда позволяют разделить эффект санкционного давления и эффект долгосрочной интеграционной динамики — оба фактора действуют одновременно и статистически трудноразличимы. Прогнозные оценки перспектив БРИКС+, при всей математической строгости модели [2], опираются на предположение о сохранении нынешних темпов технологического трансфера, которое само по себе остается гипотезой, а не установленным фактом.

Выводы

Российско-китайское стратегическое партнерство в его нынешнем виде нельзя свести ни к продукту западного санкционного давления, ни к беспроблемному союзу единомышленников. Оно строится на длительной исторической траектории, начавшейся задолго до нынешнего обострения отношений обеих стран с Западом, и вместе с тем содержит структурные ограничения, которые не исчезают по мере углубления сотрудничества — экономическую асимметрию, расхождение интересов в Центральной Азии, разрыв между декларируемым и фактическим уровнем интеграции. Именно способность сторон удерживать эти противоречия в управляемых рамках, не позволяя им перерасти в открытый конфликт, а не их отсутствие, объясняет устойчивость партнерства на протяжении трех десятилетий. Дальнейшее развитие событий — в частности, то, как ослабление или усиление конфронтации между Западом и Китаем повлияет на распределение приоритетов Пекина, — остается открытым вопросом, ответ на который наблюдаемый период пока не дает.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова Р. С., Володин И. Р. Анализ экономических отношений Россия-Китай, прогноз на 2025–2026 годы // Вестник Академии знаний. 2024. № 6 (65). С. 27–31. EDN: XMXQAD.

2. Акаев А. А., Ильин И. В., Давыдова О. И. Перспективы развития геополитического и геоэкономического партнерства России и Китая и его влияние на рост потенциала объединения БРИКС // Экономика региона. 2025. Т. 21. № 3. С. 610–629. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-3.

3. Зуенко И. Ю. Российско-китайское сближение в контексте соперничества КНР и США: поиск отправной точки и оценка перспектив // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 11. С. 24–34. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34.

4. Линь Мэнхань. Влияние технологического сотрудничества на российско-китайские отношения: перспективы и вызовы // Право и политика. 2024. № 10. С. 40–52.

5. Науменко А. С., Салтанов С. Д. Стратегическое оборонное партнерство России, Китая и Северной Кореи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 107–120. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120.

6. Петровский В. Е. Российско-китайское стратегическое партнерство. Теория и практика // Азия и Африка сегодня. 2025. № 2. С. 5–13.

7. Поляков В. Д. Северный морской путь в российско-китайских отношениях: экономическое сближение и нормативное дистанцирование // Право и политика. 2025. № 12. С. 223–240. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.12.76863.

8. Рахимов К. Х., Цю Шуаншуан. Российско-китайское стратегическое партнерство в многополярном мире: военно-политические и экономические аспекты // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95). С. 691–703. DOI: 10.35775/PSI.2023.95.2.030.

9. Шэнь Д. Настоящее и будущее отношений России с Китаем: от «партнерства без границ» к новой реальности // Управленческое консультирование. 2025. № 6. С. 211–221.

10. Xu Bo, Wu Hao. Xi Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia relations in the context of major changes in the international order // East Asia: Facts and Analytics. 2024. Vol. 3. Pp. 50–64. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-3-50-64.

REFERENCES

1. Abramova RS, Volodin IR. Analiz ekonomicheskikh otnosheniy Rossiya-Kitay, prognoz na 2025-2026 gody [Analysis of Russia-China Economic Relations, Forecast for 2025-2026]. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge]. 2024;(6(65):27-31. (In Russ.).

2. Akaev AA, Il'in IV, Davydova OI. Perspektivy razvitiya geopoliticheskogo i geoekonomicheskogo partnerstva Rossii i Kitaya i ego vliyanie na rost potentsiala ob'edineniya BRIKS [Prospects for the Development of Geopolitical and Geoeconomic Partnership Between Russia and China and Its Impact on the Growth Potential of the BRICS Union]. *Ekonomika regiona* [Economy of Region]. 2025;21(3):610-629. DOI: 10.17059/ekon.reg.2025-3-3. (In Russ.).

3. Zuenko IYu. Rossiysko-kitayskoe sblizhenie v kontekste sopernichestva KNR i SShA: poisk otpravnoy tochki i otsenka perspektiv [Russia-China Partnership in the Context of US-China Rivalry: Search of Starting Point and Assessment of Prospects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2023;67(11):24-34. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-11-24-34. (In Russ.).

4. Lin Menghan (2024). Vliyanie tekhnologicheskogo sotrudnichestva na rossiysko-kitayskie otnosheniya: perspektivy i vyzovy [The Impact of Technological Cooperation on Russian-Chinese Relations: Prospects and Challenges]. Pravo i politika [Law and Politics]. No. 10. Pp. 40-52. (In Russ.).

5. Naumenko AS, Saltanov SD. Strategicheskoe oboronnoe partnerstvo Rossii, Kitaya i Severnoy Korei [Russia, China, and North Korea Strategic Defense Partnership]. *RUDN Journal of Political Science*. 2024;26(1):107-120. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-107-120. (In Russ.).

6. Petrovskiy VE. Rossiysko-kitayskoe strategicheskoe partnerstvo. Teoriya i praktika [Russia-China Strategic Partnership. Theory and Practice]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa Today]. 2025;(2):5-13. (In Russ.).

7. Polyakov VD. Severnyy morskoy put' v rossiysko-kitayskikh otnosheniyakh: ekonomicheskoe sblizhenie i normativnoe distantsirovanie [The Northern Sea Route in Russian-Chinese Relations: Economic Rapprochement and Normative Distancing]. *Pravo i politika* [Law and Politics]. 2025;(12):223-240. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.12.76863. (In Russ.).

8. Rakhimov KKh, Qiu Shuangshuang. Rossiysko-kitayskoe strategicheskoe partnerstvo v mnogopolyarnom mire: voenno-politicheskie i ekonomicheskie aspekty [Russia-China Strategic Partnership in a Multipolar World: Military-Political and Economic Aspects]. *Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy* [Issues of National and Federative Relations]. 2023;13(2(95);691-703. DOI: 10.35775/PSI.2023.95.2.030. (In Russ.).

9. Shen D. Nastoyashchee i budushchee otnosheniy Rossii s Kitaem: ot "partnerstva bez granits" k novoy real'nosti [The Present and Future of Russia-China Relations: From "Partnership Without Limits" to a New Reality]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting]. 2025;(6):211-221. (In Russ.).

10. Xu Bo, Wu Hao. Xi Jinping Thought on Diplomacy and China-Russia relations in the context of major changes in the international order. *East Asia: Facts and Analytics.* 2025;3:50-64. DOI: 10.24412/2686-7702-2024-3-50-64.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сюй Хань — студент Тяньцзиньского университета иностранных языков.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Xu Han — student at Tianjin Foreign Studies University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 30.09.2026.
Принята к публикации / Accepted for publication: 05.10.2026.